

Лин Юшу и Шэн Сючжи были вместе пять лет, и он был уверен, что знает Шэн Сючжи вдоль и поперёк. Разумеется, он прекрасно понимал, что настоящий Шэн Сючжи вовсе не так мягок и безобиден, каким кажется рядом с ним. Сотрудники Корпорация Шэн смертельно боялись своего шефа, и это красноречиво говорило о многом.

Он знал Шэн Сючжи, но в день третьей годовщины свадьбы Лин Юшу вдруг с резкой ясностью осознал, что знает о муже далеко не всё.

Совсем не всё.

Он и представить себе не мог, что Шэн Сючжи способен быть настолько... настолько...

Для этого просто не существовало подходящих слов!

Они делили постель ещё до свадьбы, но обычно этот человек с невероятной, зашкаливающей жаждой контроля в те моменты проявлял неожиданную сдержанность и терпение, оставаясь внутренне собранным и неприступным.

Если бы это можно было выразить через песню, то она звучала бы как долгое вступление с плавным ритмом, где такт за тактом нарастает напряжение, позволяя эмоциям капля за каплей переполнять чашу — не спеша и не суется, словно на медленном огне, пока всё не дойдёт до кондиции, незаметно, но с абсолютной, удушающей тщательностью.

Это также напоминало густой мёд, тихой поступью превращающийся в сеть, из которой уже невозможно вырваться, или медлительную топкую трясину, отнимающую всякое дыхание, плотное, не оставляющее лазеек кольцо плена — и всё в таком духе.

Шэн Сючжи мог неторопливо провести с ним всю ночь, доводя человека до самого предела. И даже в самом конце, когда Лин Юшу уже казалось, что он балансирует на грани жизни и смерти, манеры Шэн Сючжи оставались безупречными и ясными.

Позже Лин Юшу заметил, что Шэн Сючжи на самом деле избегал дикой страсти. Он держал себя в руках, невероятно сильно сдерживался, в нём никогда не было моментов абсолютной, безудержной разрядки. Порой его взгляд казался до предела подавленным — таким, будто он готов наброситься и сожрать человека вместе с плотью и костями, — однако движения неизменно оставались нежными.

Такой Шэн Сючжи порой казался даже чуточку... чужим.

И вот теперь Лин Юшу наконец узнал, как выглядит Шэн Сючжи, когда он абсолютно ни в чём себя не ограничивает.

Лишь сегодня Лин Юшу наконец дождался, пока дверь в сокровенный уголок души Шэн Сючжи приоткроется для него хотя бы на крошечную щелочку.

Тогда Шэн Сючжи, должно быть, думал, что он уже спит, легко коснулся поцелуем его ресниц и промолвил:

— Юшу, неужели ты правда меня не помнишь?

Тон у него был весьма непростой.

Прежде чем погрузиться в глубокий сон, произошло кое-что ещё.

Его пальцы всё ещё сжимали воротник рубашки Шэн Сючжи, яркие, чистые глаза были закрыты, а ресницы изредка подрагивали — он был слишком сильно измотан, и это придавало ему чистую, беззащитную наивность.

Замена? Кто? Какая замена? Кто здесь замена?

Пряди чёлки всё ещё влажные, щёки слегка покраснелись, источая тот самый нежный оттенок, который остаётся на лепестках розы, если раздавить их кончиками пальцев.

Шэн Сючжи наблюдал за всем этим. Его сердце билось бешено, часы то и дело вибрировали, предупреждая об опасности, но ему было всё равно.

Он не мог объяснить, откуда взялись эти странные грани чуждости и знакомости.

В конце концов он бережно завернул Лин Юшу в одеяло, сам сходил в ванную, чтобы как-то справиться с возбуждением, а затем вернулся в постель и прижал его к груди.

Совсем не так.

Он не был уверен, сколько ещё сможет пробыть в этом мире, но в его сердце уже зарождалась бесконечная тоска — и всепоглощающая ревность.

И всё же эта чуждость вовсе не вызывала у Лин Юшу отторжения. Напротив, в ней таилось смутное, едва уловимое ощущение родного, заставляя Лин Юшу в полусне думать, что, возможно, когда-то в прошлом они уже сходились с Шэн Сючжи вот так же — в смертельной схватке, сплетаясь воедино до самого конца. Он помнил лишь, что под конец и плакал, и умолял, и, кажется, наговорил этому человеку уйму стыдных вещей. Наконец всё закончилось, Шэн Сючжи отнёс его в ванный комнаты, чтобы привести в порядок, и Лин Юшу, погружённый в полудрёму, заснул прямо в его объятиях.

Лин Юшу: ???

Погодите-ка.

Шэн Сючжи даже не дал ему времени всё хорошенько обдумать, вновь стремительно втянув в водоворот.

Короче говоря, это повергло в шок всё его семейство.

У него даже возникало желание разбудить парня и повторить всё сначала.

Спустя некоторое время Лин Юшу услышал, как Шэн Сючжи — словно приняв какое-то судьбоносное решение — тихо произнёс:

— Можешь быть заменой, кем угодно, чем угодно... Малыш, только не уходи от меня.

Перестав себя сдерживать и дав волю инстинктам, Шэн Сючжи излучал такую бешеную энергетику, будто они оба собирались умереть прямо здесь и сейчас, и он действительно изводил его до полусмерти. В этой жажде чувствовалось такое неистовое голодное исступление, словно он несколько лет вообще не прикасался к людям.

Погодите-ка.

Прежде всего стоило исправить одну собственную ошибку, касающуюся пункта «да не такой

уж я хрупкий».

Лин Юшу промолчал, мысленно думая: что за бред он вообще несёт?

Кожа у него была превосходная — сияющая, безупречно гладкая и нежная, окутанная едва заметным внутренним светом, словно прекрасный тёплый нефрит, к которому так трудно было удержаться от желания прикоснуться и ласкать его пальцами.

На самом деле Лин Юшу совершенно не понимал, чего именно тот вечно себя сдерживал. Он ведь не бумажная кукла, которая рассыплется от одного прикосновения, и что бы такого случилось, если бы тот дал волю чувствам? Он вовсе не такой уж хрупкий (наверное).

Но с другой стороны... было жаль.

Совсем не так.

Кстати, этот человек постоянно носил изготовленные на заказ часы, и за всё время его пульс ни разу не поднялся выше ста двадцати ударов в минуту. Из-за этого Лин Юшу в какой-то момент даже начал подозревать, не облучили ли Брата Шэн гамма-лучи и не превратится ли он в Халка, стоит его пульсу перешагнуть за двести.

Даже во сне он продолжал размышлять о том, почему Брат Шэн сегодня такой странный — то ли таблетки не те выпил, то ли вообще забыл их принять.

В этом вопросе крылся подвох. Лин Юшу мгновенно захлопнул рот.

У Лин Юшу было такое лицо, что скауты по поиску талантов с самого детства то и дело совали ему свои визитки. У него была настолько миловидная и очаровательная внешность, что скауты в открытую заявляли: если он пойдёт на какое-нибудь шоу на выживание, то благодаря одному лишь личику стопроцентно завоюет дебютное место.

Лин Юшу понятия не имел, который был час, когда всё наконец закончилось.

Когда Лин Юшу осторожно пытался завести об этом разговор, Шэн Сючжи уверял: я вовсе не сдерживался, малыш, я просто такой по природе. Я же не хотел причинить тебе боль, поэтому был так нежен... Разве малышу не нравится нежность?

Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку и растерянным, но его мозг уже подавал сигналы тревоги: подобно разряженному до одного процента телефону, он исчерпал весь запас энергии и провалился в сон.

Он знал, что Шэн Сючжи наверняка скрывал от него что-то. В глубине души этого человека словно таилась тяжело запертая наглухо железная дверь, которую тот никогда и ни за что не открывал перед ним. Но ничего страшного, у каждого ведь есть свои секреты. Лин Юшу совершенно не придавал этому значения и уж тем пресловутым недоверием не ставил под сомнение любовь Шэн Сючжи к нему.

На деле же это Лин Юшу чувствовал себя до крайности хрупким — казалось, он уже готов был отдать концы.

Он ревновал к тому самому истинному Шэн Сючжи, ревновал настолько сильно, что казалось, будто его сердце готово проглотить целиком.

Шэн Сючжи наполовину прижимал его к себе, глядя, как он тихо спит в его объятиях.

Когда он только познакомился с Лин Юшу, то уже знал, что в сердце этого парня кто-то затаился. Они прошли через многое вместе, провели несколько безумных и романтических лет, однако он точно знал: тот человек в сердце Лин Юшу оставался там всегда. Когда он по-настоящему увидел лицо Шэн Сючжи, он всё понял. Их темпераменты и характеры различались как небо и земля, но у них было поразительно похожее лицо.

Разве в этом причина? Не это ли в самом начале заставило Лин Юшу остаться рядом с ним?

А что было потом? Юшу понял, что они — совершенно разные люди, и ушёл?

В его глазах клубилось бесчисленное множество эмоций, темных и неразличимых.

Он многого не знал, но это было уже неважно. За то время, пока Лин Юшу не было рядом, он полностью в себе разобрался и кое с чем определился:

Пусть он даже был заменой — неважно, абсолютно ничего неважно. Он готов вечно играть роль другого человека, искренне готов.

Лишь бы Лин Юшу оставался с ним.

Мужчина легко коснулся губами лба Лин Юшу.

Во сне тот по привычке прижался ближе к нему, зарылся лицом в грудь и снова крепко заснул.

Биологические часы взяли своё, и Шэн Сючжи ровно в шесть пятнадцать открыл глаза.

Он резко распахнул веки. Лин Юшу всё ещё спал в его объятиях, положив голову на его руку и обхватив за талию.

На Лин Юшу была шёлковая пижама, открывающая большую часть груди, а на коже виднелись бесчисленные отметины — глубокие и светлые, они ясно свидетельствовали о всепоглощающей, безбрежной, подобной океану жажде обладания.

Слишком много.

У Шэн Сючжи перехватило дыхание.

Некоторые воспоминания внезапно, без всякого предупреждения ворвались в его голову — воспоминания об их... прошлой ночи. Его беспристрастное лицо мгновенно стало опасным, в

глазах проступила кровь, а умные часы на запястье снова затряслись.

Лин Юшу в его объятиях, словно что-то почувствовав, слегка задрожал.

Шэн Сючжи глубоко вздохнул, сдерживая бушующие эмоции и пытаясь сохранить рассудок, чтобы успокоить Лин Юшу. Затем он на цыпочках вылез из постели и направился в ванную.

Он со всей силы ударил кулаком по зеркалу над раковиной.

Зеркало мгновенно разлетелось на куски. В бесчисленных осколках отразилось перекошенное от убийственной злобы лицо Шэн Сючжи.

— Шэн Янь, смеешь! — холодно бросил он, глядя прямо на собственное отражение. Жажда убийства, словно метель в краю вечного холода, вдруг выплернулась наружу.

Словно беседуя с кем-то через зеркало, спустя пару секунд он неторопливо произнёс:

— Прошлое? Юшу совершенно ничего из этого не помнит. А раз не помнит, значит, этого и вовсе не было. Ты же должен понимать, почему Юшу выбрал именно тебя, стоило ему лишь взглянуть на моё лицо.

Еще через мгновение уголки его губ изогнулись в холодной, зловещей улыбке:

— Не переживай, до этого не дойдет. Я разорву тебя на куски задолго до того — это мой мир, Шэн Янь, посмотри, по силам ли мне это.

В следующее мгновение зеркало перед ним окончательно, целиком рассыпалось на мириады мелких осколков, осыпавшись вниз лавиной.

Приняв прохладный душ, Шэн Сючжи вернулся к постели и принялся смотреть на своего Юшу.

Ему было всё мало.

Наконец он коснулся губами губ спящего и прошептал:

— Подожди меня ещё немного. Юшу, ещё чуть-чуть.

Лин Юшу проснулся, когда было уже за одиннадцать.

Он лениво потянулся, чувствуя, что всё тело ломит, словно по нему проехался грузовик.

Воспоминания о прошлой ночи вихрем ворвались в сознание.

Лин Юшу невольно покраснел до корней волос.

Ну кто бы мог подумать, что Шэн Сючжи способен на такое!

Так вот почему он раньше вечно всё скрывал и отчаянно себя сдерживал — боялся, что он поймет, какой тот на самом деле извращенец!

Оказывается, пока он ни о чем не догадывался, Брат Шэн уже давно забился в угол и втайне предавался извращениям, а стоило ему впервые показаться во всей красе, как он ошеломил (почему-то хочется поставить знак вопроса) абсолютно всех.

Брат Шэн столько лет всё держал в себе и молча сносил — как подумаешь, аж пробирает до слёз.

— Ни черта подобного!

Остается лишь надеяться, что впредь Брат Шэн сохранит свою гордую самодисциплину!

Он больше не вынесет, правда не вынесет. Вчера ему и впрямь казалось, что он умрёт прямо на этой постели.

Бормоча себе под нос всякую всячину, Лин Юшу приподнялся и опустил взгляд на собственное тело...

Ну, скажем так, уровень его злости достиг отметки хорошенько избить Шэн Сючжи за то, что тот творит черт знает что.

На прикроватной тумбочке лежала записка от Шэн Сючжи. Он написал, что не хотел будить его и уехал на работу сам. Внизу варится каша — мол, проснешься, обязательно поешь. А еще упомянуло, что зеркало в ванной разбилось, и во второй половине дня придут мастера всё починить.

Внизу красовалась подпись «Чжи», а рядом было нарисовано крошечное сердечко.

Всего-то сердечко, но стоило Лин Юшу его увидеть, как все мысли задать взбучку тут же растаяли, словно весенний снег, сменившись сладким теплом. На душе стало так, будто её щедро намазали мёдом.

Ладно, на этот раз он его простил.

Он спустил ноги с кровати, но едва стоило им коснуться ковра, как он невольно зашипел: «Ай!»

Погодите-ка, Брат Шэн в последнее время и так пашет как проклятый! Каждый день торчит на свехурочных, и при этом у него ещё хватает сил на такие безумства — это же просто против законов природы.

Лин Юшу испытал горькое разочарование.

К слову, засыпая вчера, Шэн Сючжи до самого конца продолжал что-то бормотать себе под нос. Брат Шэн ведь обычно такой молчун, а стоило ему дать волю истинной натуре, как язык у него стал гораздо подвешеннее.

О чём это он там твердил? Вроде бы... о замене?

Лин Юшу, который как раз переодевался, замер на полуслове и моргнул.

Точно, «замена», Бэн Шэн определенно произнес это слово, хотя саму фразу целиком он сейчас уже не припомнит.

Что за замена?

Кто чья замена?

Тысячи мыслей пронеслись в голове Лин Юшу.

Он не хотел портить отношения с Шэн Сючжи из-за подобных недомолвок, поэтому в конце концов просто взял телефон и набрал его номер.

Шэн Сючжи ответил почти сразу:

— Проснулся, Юшу?

Лин Юшу:

— Проснулся. Брат Шэн, ты занят?

Шэн Сючжи:

— Занят. Но как бы я ни был занят, хочу поужинать с тобой. Я забронировал тот итальянский ресторан на улице Аньфэн, увидимся вечером.

Лин Юшу невольно улыбнулся.

Когда он улыбался, на щеках появлялись две крошечные ямочки — до того милые.

Какое-то время оба молчали, и в динамике раздавалось лишь дыхание друг друга.

Спустя секунд десять они заговорили одновременно:

Лин Юшу выдал:

— Брат Шэн, что за «замена», о которой ты вчера говорил? Что это значит? Неужели я чья-то замена?

Шэн Сючжи произнес:

— Малыш, я вчерашний тебе нравился больше или я прежний?

И снова — десять секунд абсолютной тишины.

Тишина из разряда тех, что буквально оглушает.

Лин Юшу:

— ???

Ты вообще слышишь, что ты несёшь? Братец, ты в курсе, что у тебя кукушка едет?

Шэн Сючжи:

— ???

Старый пес Шэн Янь, ну зачем тебе вечно языком трепать?! Раз уж согласился быть заменой, так играй свою роль нормально, на кой чёрт разводить болтовню! Живо катись обратно отвечать на вопрос!

<http://bllate.org/book/22421/2354117>